

Юрис Толгманис

ЛАТЫШСКО-ПОЛЬСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЛАТВИИ

История, историческое сознание имеют большое значение в нашей этнической и культурной идентификации. Но история – это не только представления о судьбах всего человечества или отдельных стран, народов, личностей в прошлом, история – это также взаимоотношения государств и народов. Исторические представления об этом способствуют взаимовлиянию культур, складыванию творческих и толерантных отношений. Даже имевшие место в минувших столетиях конфликты, ситуации господства и подчинения не будут порождать межэтническую и межгосударственную рознь, как это к сожалению зачастую происходит, если мы постараемся актуализировать общность судеб народов в большой драме всемирной истории, позитивные моменты этого общения – и их мы найдем прежде всего в культуре.

Представляется, что с этой точки зрения не только в школьных учебниках и выступлениях государственных деятелей, но и в историческом сознании народа сегодня трактуются польско-латышские исторические связи. К тому же они всегда имели: имеют сегодня и будут иметь в будущем один своеобразный аспект – присутствие польской культуры в Латвии в прошлом и настоящем как проявление деятельности одной небольшой, но в культурном отношении весьма активной и интересной части польской диаспоры. Из этого в свою очередь вытекает интеграция элементов польской культуры в латышскую культуру в прошлом, а также в латышскую национальную литературу, театр, музыку и т.д. в течении последних 100 лет.

Предпосылки для этого складывались исторически, когда в борьбе за *Dominium maris Baltici* и наследство средневековой немецкой Ливонии Польше в XVI веке на время удалось вытеснить других претендентов из населенных латышами территории.

В 1562 году на основе договора между последним магистром Ливонского ордена Готхардом Кетлером (*Ketler*, 1517–1587), который одновременно являлся феодальным сениором значительной части земель Ливонской конфедерации, и последним ягеллоном на польском троне (1530–1572) Сигисмундом II Августом (*Zygmunt II August*) Видземе и Латгале (Инфлянтия – *Inflanty polskie*) перешли в непосредственное подчинение Польского государства, а в Курляндии (Курземе) и Земгалии (Земгале) образовалось зависимое от Польши герцогство. В 1581 году со своей самостоятельностью пришлось распрощаться и Риге. Ее подчинил Польский король Стефан Баторий (*Batory*), который в следующем году как первый коронованный государь торжественно въехал в Ригу.

Несколько десятилетий спустя (в 1621 г.) Сигисмунд III Ваза (*Zygmunt III Waza*) был вынужден уступить Видземе и Ригу своему шведскому кузену Густаву II Адольфу, но сохранил за Жечьпосполитой (*Rzecz Pospolita*) Инфлянтию. В вассальных отношениях с Польшей до 1795 года формально оставалось Курляндское герцогство, а в Восточной Латвии польское влияние сохранилось до 1772 г., когда эта территория была включена в состав Российской империи, а также в известной степени и позже.

Именно с этим краем Латвии наиболее тесно связаны польская культура, польский язык и католическая религия. Необходимо отметить, что первоначально польская культура в Инфлянтсии была элитарной, высокой, интригующей культурой постепенно полонизировавшейся немецко – Инфлянтской знати и ставших владельцами или управляющими имений, офицерами гарнизонов, священнослужителями представителей польской аристократии. Поэтому она функционировала лишь в узком кругу немецко-польской общественности.

Но со временем ситуация менялась – проявления польской культуры в Латвии стали более широкими, многосторонними, демократическими.

К тому же – с прекращением ситуации господства – стали проявляться новые аспекты подчинения. Инфлянтский регионализм получил свое дальнейшее развитие и своеобразный апогей в богатой и многосторонней деятельности Густава Мантейфеля (*Manteuffel-Szoge*, 1832–1916), придавшему этому новую дименсию и новый смысл. Мантейфель известен как поборник интеграции общинфлянтской культуры с целью создания заслона против русской инвазии и одновременно способствования сохранению связей Инфлянтсии с Польшей. Продолжая более древние традиции иезуитов, большое внимание он уделял обзору латышской культуры. В свою очередь его современник – владелец имения в Дагде Казимир Буйницкий (*Bujnicki*, 1788–1878) в духе Просвещения выступал за эманципацию латышских крестьян.

Со второй половины XIX века стремление получать хорошее образование привело многих поляков в Ригу и другие города Латвии. В старейшем рижском вузе – Рижском политехникуме – удельный вес студентов польского происхождения нередко превышал 25–30%, и шутя его „*Polentechnikum*” или „*Polonaise*”. До восстановления независимости Польши высшее образование получило там более 2-х тысяч польских специалистов. Среди них и известный химик Игнаций Мосцицкий (*Mościcki*, 1867–1946), который в течении 13 лет (1926–1939) был президентом Польши, а его предшественник (президент 1922–1926) Станислав Войцеховский (*Wojciechowski*, 1869–1953) окончил гимназию в Митаве (Блгаве).

Еще до I мировой войны в Риге и других местах были польские патрональные, профессиональные и просветительные общества. Новое качество и более широкий размах эта деятельность получила в межвоенный период: когда 11 ноября 1918 года было восстановлено Польское государство, а неделю позже прокламирована Латвийская Республика. К тому же военная помощь со стороны Польши и лояльность латвийских поляков имели большое значение в освободительной войне Латвии и построении латвийского государства.

Латвия в межвоенный период имела общую границу с Польшей протяженностью 104 км. И хотя были и острые разногласия по поводу принадлежности пограничного города Грива и 6 волостей Илукстского уезда, отношения обеих стран в целом можно характеризовать как благополучные.

Большое количество польских общественных организаций – религиозные, молодежные, спортивные, культурные – удовлетворяли всевозможные потребности жизни поляков в чужой стране, которая со временем все больше становилась своей. Польскому меньшинству удавалось обеспечить избрание своих представителей в Латвийский парламент – сазиму. Хорошо развитая сеть польских школ в наиболее благоприятные времена (например, в 1929/1930 уч. г.) схватывала 35 начальных школ и 3 гимназии, кроме того было много форм внешкольного образования – клубы и т.д. Интегрирующую роль играли польские периодические издания.

Тяжелые страдания II мировая война принесла польскому и латышскому народу, которым и после войны пришлось отказаться от свободы и демократии. Не отрицая определенные положительные моменты в области обмена культурными ценностями, сотрудничества породненных городов, научных и учебных заведений и т.д., надо признать, что за послевоенные годы унификации многое из богатого культурного наследия поляков Латвии было утеряно.

Одновременно с нарастанием национального движения латышей в конце 80-х годов возрос интерес к традициям национальных меньшинств Латвии. Исторические польско-латышские связи рассматриваются без идеологических предубеждений и односторонности.

Вновь изучаются источники предыдущих столетий. Только в Академической библиотеке Латвии умеются более 2000 древних польских книг, среди них тома королевских библиотек Стефана Батория и Сигисмунда III, а в архивных хранилищах исторические документы как со времени деятельности иезуитов, так польских учебных заведений и общественных организаций первой половины нашего века. Многие источники на латинском и немецком языке, но со времени Инфлантии по-польски.

В свою очередь в польских архивах хранятся важные источники истории Балтии. Среди них – древнейшая копия XIV века от важнейшего письменного источника Балтийского средневековья – Хроники Генриха Латвийского. Этот пергамент еще в XVI веке из Лифляндии был вывезен в Польшу и хранился в библиотеке графов Замойских в Варшаве.

Но нас объединяет не только история и интерес к ней.

В восстановленном латвийском государстве польское меньшинство одно из наиболее активных в смысле поддержания национальных традиции. Мы являемся свидетелями возрождения польских учебных заведений в Латвии. В прошлом году в них занималось 600 учеников, т.е. 12,5% всех учеников польской национальности. Кроме 2 польских школ в Риге, имеются школы в Даугавпилсе, Резекне, Краславе и Екабпилсе. К тому же численность первоклассников достаточна, чтобы открыть более одного класса. Особой неожиданностью явилось 60 первоклассников Резекненской польской школы – это почти десятая часть первоклассников города, хотя удельный вес поляков в Резекне не превышает 3% жителей. Для оравнения в Даугавпилсе 15% польского населения, и только 2–3% учеников начальных классов в польской школе.

В этой области еще не мало проблем – и не только материальных или психологических. Следует учитывать, что в Латвии после закрытия польских школ в 1947 году не готовились учителя польского языка. Приходится сталкиваться с тем, что в связи с продолжительной оторванностью от Польши польский язык, на котором говорят латвийские поляки, нередко отличается от современного польского языка. К тому же в Латвии сегодня польский язык изучают не только дети или интересанты других национальностей (члены польских семей, специалисты и др.), но и многим латвийским полякам нужно учить его сначала. Последняя перепись (1989) показала, что из более чем 60 тыс. поляков лишь 16,5 тыс. (27,3%) родным языком считают польский.

Большую заинтересованность проявляет современная Польша. Интересные начинания в подготовке специалистов по польско-латышским связям также в Латвии.

Основанная в 1990 году Академия культуры в Риге в этом году подготовила первых бакалавров искусства (*Bachelor of Art*) со специализацией польского языка, польской культуры. К первым выпускникам присоединятся их коллеги в 1997 и 1999 годах. Запоминающимся событием не только для наших студентов этой специальности были встречи с режиссером профессором Й. Шайна (J. Szajna) в ноябре 1994 года, выставка польского плаката в Академии, возможность для студентов специальности кинорежиссуры гостить у Кшиштофа Занусси (Zanussi) и т.д.